

Первая часть тетралогии
«Дающий» удостоена медали
Джона Ньюбери за выдающийся
вклад в американскую литературу
для детей и подростков

ЛОИС ЛОУРИ

ВЕСТНИК

Азбука-бестселлер

Лоис Лоури

Вестник

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Лоури Л.

Вестник / Л. Лоури — «Азбука-Аттикус», 2004 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-24977-6

В Деревне всегда готовы протянуть руку помощи новым жителям: здесь рады каждому и в каждом видят хорошее. Так же радушно приняли и Мэтти. Когда-то чумазый воришка и хулиган, теперь он прилежно учится в школе и старается жить открыто и честно. Жители Деревни даже доверяют ему носить их письма через Лес, куда сами заходить опасаются. И все же у Мэтти появляется тайна, которой он не может поделиться ни с кем: ведь он сам не до конца понимает, что происходит. И это не единственная его тревога... Настроения обитателей Деревни меняются, а Лес становится гуще и мрачнее...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-24977-6

© Лоури Л., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

1	5
2	10
3	13
4	16
5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лоис Лоури

Вестник

1

Мэтти не терпелось покончить с ужином. Он хотел поскорее его приготовить, съесть и пойти. Вот бы он уже был взрослый! (Ведь взрослые сами решают, когда есть – да и вообще, стоит ли тратить время на еду.) У него было дело, и это дело пугало его. Время шло, страх все нарастал.

Мэтти уже не был мальчиком, но и мужчиной он пока не стал. Он привык мерить свой рост по окну. Когда-то он едва дотягивался до рамы – упирался в нее, чувствуя лбом дерево. Но теперь так вырос, что мог без труда заглядывать в дом, а сделав пару шагов назад, в траву, он видел свое отражение. Ему казалось, что его лицо становится более взрослым, хотя он по-прежнему с удовольствием корчил рожи своему отражению. Его голос стал грубеть.

Он жил в доме слепого, которого все называли Видящий, и помогал ему. Он делал уборку, хотя уборка – это так скучно. Но слепой говорил, что без нее нельзя. Так что Мэтти каждый день подметал дощатый пол и расправлял покрывала на кроватях: тщательно – на постели слепого, равнодушно и небрежно – на своей, в комнате рядом с кухней. Готовили они по очереди. Мужчина посмеивался над стряпней Мэтти и пытался давать ему советы, но Мэтти не хватало терпения и он не думал о тонкостях сочетаний трав.

– Достаточно просто положить все в горшок, – настаивал Мэтти. – Все равно в животе все перемешается.

Это был давний спор двух друзей. Видящий усмехнулся.

– Вот понюхай. – И он взял с доски и протянул ему на ладони светло-зеленый росток.

Мэтти старательно понюхал его.

– Это зеленый лук, – сказал он, пожав плечами. – Можно просто бросить его в кастрюлю. Или так съесть, – добавил мальчик. – Но тогда будет вонять изо рта. А одна девочка пообещала поцеловать меня, если от меня будет приятно пахнуть. Но мне кажется, она просто дразнится.

Слепой улыбнулся, повернувшись в сторону мальчика.

– Дразнить – это часть удовольствия, которое предшествует поцелую, – сказал он Мэтти, который тут же покраснел от смущения. – Ты мог бы выторговать поцелуй за что-нибудь, – предложил мужчина со смешком. – Что бы ты отдал? Удочку?

– Не надо! Не шути про торг.

– Ты прав. Зря это я. Когда-то это было веселое занятие. Но теперь – ты прав, Мэтти, – смеяться над этим не получается.

– В прошлый раз на Торжище ходил Рамон с родителями. Но он ничего не рассказывает.

– Вот и мы не будем об этом. Что там масло, разошлось на сковородке?

Мэтти посмотрел. Золотисто-коричневое сливочное масло слегка пузырилось.

– Да.

– Тогда клади лук. И мешай, чтобы не подгорел.

Мэтти послушался.

– А теперь понюхай, – сказал слепой.

Мэтти понюхал. Слегка припущенный лук издавал аромат, от которого у него потекли слюнки.

– Ну что, лучше, чем сырой? – спросил Видящий.

– Но сколько хлопот! – воскликнул Мэтти. – Готовить – такая морока!

– Добавь сахара, всего одну-две щепотки. Дай потомиться еще минуту, а потом клади кролика. Терпение, Мэтти. Вечно ты хочешь побыстрее, а в этом деле нельзя торопиться.

– Надо успеть до темноты – кое-чего проверить. Хочу добраться до поляны, пока не стемнело.

Слепой засмеялся. Он взял со стола кусочки кролика, и Мэтти в какой уж раз удивился точности движений его рук и тому, как хорошо он помнит, где что лежит. Он наблюдал за тем, как мужчина ловко обсыпает мясо мукой и кладет его на сковородку. Мясо зашкворчало, и блюдо запахло по-новому. Слепой добавил пригоршню трав.

– Тебе-то все равно, светло или темно на улице, – жалобно проговорил Мэтти. – Но мне для моих дел нужен свет.

– Что это за дела такие? – спросил Видящий и добавил: – Когда мясо подрумянится, добавь немного бульона, чтобы не пригорело.

Мэтти так и сделал. Он наклонил над сковородкой кастрюлю, где они отваривали кролика, и темная жидкость подхватила лук и травы, которые закружились вокруг кусочков мяса. Мэтти уже знал, что теперь нужно накрыть сковородку крышкой и убавить огонь. Еда в сковородке тихонько булькала, а он начал расставлять тарелки на столе, за которым им предстояло поужинать.

Он надеялся, что слепой забудет про свой вопрос о «делах». Ему совсем не хотелось отвечать на него. Мэтти очень занимало то, что он спрятал на поляне. Но и пугало, потому что он еще не понимал, что это такое. Ему подумалось: вдруг он сможет это обменять?

Когда наконец тарелки были вымыты и убраны, а слепой откинулся в своем кресле и взял инструмент, на котором он обычно играл по вечерам, Мэтти тихонько направился к двери, надеясь выскользнуть незамеченным. Но мужчина улавливал любое движение. Мэтти уже знал, что он может слышать, как паук переползает с одного края паутины на другой.

– Опять в Лес?

Мэтти вздохнул. Ну вот, снова не вышло.

– Я вернусь до темноты.

– Может, и так. Но не туши лампу – вдруг опоздаешь. В темноте приятно идти на свет. Я помню, что такое ночной Лес.

– Помнишь с каких времен?

Мужчина улыбнулся:

– С тех самых, когда я мог видеть. Задолго до того, как ты родился.

– Ты боялся Леса? – спросил его Мэтти.

Леса боялись многие, и не случайно.

– Нет. Это все иллюзия.

Мэтти поежился. Он не понял, что хотел сказать слепой. То есть страх – это иллюзия? Или Лес – иллюзия? Он оглянулся. Слепой мягкой тряпочкой вытирал полированную поверхность своего инструмента. Он уже сосредоточился на гладком дереве, хотя не мог видеть золотистую поверхность клена с его волнистыми волокнами. Наверное, решил Мэтти, человеку, лишенному зрения, все кажется иллюзией.

Мэтти выкрутил фитиль и проверил, достаточно ли в лампе масла. Затем чиркнул спичкой.

– Видишь, я не зря просил тебя почистить ламповые стекла, а?

Слепой не ждал ответа. Он провел рукой по струнам, прислушиваясь к их звучанию. Как обычно, он осторожно подстроил инструмент. Он умел различать звуки, которые казались мальчику совершенно одинаковыми. Мэтти немного постоял на пороге, наблюдая. На столе мерцала лампа. Мужчина сидел, склонив голову к окну, так что свет раннего летнего вечера высвечивал шрамы на его лице. Он прислушался, повернул небольшой винт на конце грифа,

затем прислушался снова. Теперь он был поглощен звуками и совершенно забыл о мальчике. Мэтти выскользнул наружу.

Мэтти пошел к тропе, которая вела к Лесу от окраины Деревни, кружным путем, чтобы пройти мимо дома учителя, доброго человека с родимым пятном на пол-лица. Когда Мэтти еще только появился в Деревне, он иногда не мог отвести от него глаз, потому что ни разу до этого не видел таких отметин. Там, откуда Мэтти пришел, увечий не допускалось. Там убивали людей и с меньшими изъязнениями.

Но здесь, в Деревне, отметины и изъязнения вообще не считались недостатками. Их даже ценили. Слепому дали прозвище Видящий, его уважали за то особое зрение, которое у него появилось после того, как он лишился обычного.

Учителя, хотя его настоящее имя было Ментор, дети любя прозвали Розы – за расплывшееся по лицу малиново-розовое родимое пятно. Дети любили его. Он был мудрым и терпеливым. Мэтти, который был совсем мальчик, когда оказался в Деревне и начал жить у слепого, сначала пошел в школу, как все, а зимой по вечерам стал посещать дополнительные занятия. Именно Ментор научил его спокойно сидеть, слушать, а спустя какое-то время – даже писать.

Но он решил пройти мимо дома учителя не для того, чтобы повидать Ментора или полюбоваться его роскошным цветником, а в надежде увидеть учительскую дочку, симпатичную девочку Джин. Это она недавно дразнила Мэтти, обещая поцеловать его. По вечерам она обычно пропалывала сад.

Но сегодня не было видно ни Джин, ни ее отца. Мэтти заметил толстую пятнистую собаку, которая спала на пороге, но в доме, похоже, никого не было.

Ну и ладно, подумал он. Джин задержала бы его своим хихиканьем и насмешками. А обещания она все равно никогда не держит и дает их всем мальчикам. Не стоило делать крюк в надежде увидеть ее.

Он нашел палку, нарисовал сердечко на дорожке возле сада и вписал в него их имена – ее и свое. Вдруг Джин заметит рисунок и поймет, что он здесь был, вдруг для нее это важно?

– Эй, Мэтти, ты что тут делаешь? – из-за угла вышел Рамон. – Ты уже поужинал? Хочешь поесть с нами?

Мэтти быстро двинулся в сторону Рамона, оставив за спиной нарисованное в грязи сердечко и надеясь, что его друг не заметит этого. К Рамону было бы интересно сходить, потому что его семья недавно сторговала себе вещь под названием «Игровая машина». Это была большая раскрашенная коробка с ручкой, которую дергаешь – и внутри за небольшими окошечками начинают вращаться три барабана с рисунками. Раздается звонок, барабаны останавливаются, и, если все три изображения в окошечках совпали, машина выплевывает леденец. Играть было очень интересно.

Он порой думал, а чем они пожертвовали ради этой «Игровой машины», но обсуждать такие вещи было не принято.

– Мы уже поели, – сказал он. – Мне надо забежать кое-куда до темноты, поэтому мы поужинали раньше.

– Жалко, что я не могу с тобой. У меня кашель, и Травник сказал, что мне не надо слишком много бегать. Я пообещал сразу пойти домой, – сказал Рамон. – Но если ты подождешь, я спрошу...

– Нет, – ответил Мэтти. – Лучше я один.

– А, ты с посланием?

Это было не так, но Мэтти кивнул. Ему было немного неловко врать, даже по мелочам. Хотя уж он-то умел это делать. Мэтти вырос там, где все лгали, и он до сих пор не мог до конца поверить, что жители Деревни, в которой он теперь живет, считают, что врать – плохо. Мэтти всегда казалось, что с помощью вранья все делается понятнее, проще и удобнее.

– Ну, тогда увидимся завтра. – Рамон помахал ему рукой и поспешил домой.

Мэтти знал тропинки Леса так, словно сам их проложил. Впрочем, некоторые из них он и в самом деле протоптал за долгие годы, найдя более простой и короткий путь. Даже корни на этих тропах ушли в землю и стали плоскими. В Лесу он был быстр и незаметен, всегда выбирал верное направление, чувствовал изменения погоды и предсказывал дождь задолго до того, как на небе появлялись тучи или менялся ветер. Мэтти просто *знал*.

Другие жители Деревни редко отваживались зайти в Лес. В Лесу было опасно. Иногда он закрывался и поглощал тех, кто зашел слишком далеко. Смерть таких людей была чудовищна: тела покинувших Деревню приносили обратно с обрывками вьюнов, намертво опутавших горло, руки и ноги. Лес тоже каким-то образом *знал*. А еще он почему-то знал, что походы Мэтти для Леса не опасны и даже необходимы. Ползучие растения никогда его не трогали. Иногда даже казалось, что деревья расступаются перед ним и подталкивают вперед.

– Лес любит меня, – однажды с гордостью объяснил он слепому.

Видящий согласился.

– Возможно, ты ему нужен, – предположил он.

И жителям Деревни Мэтти тоже был нужен. Они доверяли его знанию тропок, его способности безопасно передвигаться по ним и поручали ему задания, связанные с походами через густые заросли с их запутанными стёжками. Он доставлял их письма. Это была его обязанность. Он считал, что когда настанет время получать настоящее имя, то ему дадут имя Вестник. Ему нравилось, как оно звучит, и не терпелось получить его.

Но в тот вечер Мэтти не надо было относить или забирать никакого послания. Рамону он соврал. Он направлялся на одну поляну, сразу за рощей из тесно растущих колючих елок. Он ловко перепрыгнул небольшой ручей, свернул с набитой тропы, прошел между деревьями, разводя ветви руками. В последние годы елки сильно разрослись, теперь поляна была полностью скрыта от посторонних глаз, и Мэтти считал ее своей.

Ему нужно было кое-что понять, а для этого требовалась укромность – место, где можно тайне испытать себя и решить, что же делать с тем, что так его пугало.

На поляне было сумрачно. За спиной Мэтти солнце начинало опускаться за Деревню, и свет, который проникал через Лес, был розоватым и бледным. Мальчик прошел по мшистой земле к высоким зарослям папоротника у подножия дерева, сел на корточки и прислушался, вытянув шею. Он тихонько издал специальный звук, которому недавно выучился; спустя короткое мгновение послышался ответ. Мэтти и ждал его, и боялся.

Он слегка нагнулся и поднял на ладони маленькую лягушку. Она без страха посмотрела на мальчика своими выпученными глазами и вновь издала звук:

– *Черререк. Черререк.*

– *Черререк.* – Мэтти повторил этот горловой звук, словно они разговаривали.

Хоть он и нервничал, от такого разговора ему стало смешно. Мэтти внимательно осмотрел гладкое зеленое тельце. Лягушка не пыталась ускользнуть. Она недвижно сидела на ладони, ее горло, покрытое тонкой просвечивающей кожей, пульсировало.

Он увидел то, что ожидал. То есть он надеялся, что этого не произойдет. Если бы это оказалась обычная лягушка, его жизнь была бы проще. Но теперь все усложнится и изменится. Его ждало новое непредсказуемое будущее. Вины лягушки в этом нет, подумал мальчик, осторожно опустил маленькое зеленое существо обратно в высокие заросли папоротника и стал смотреть на дрожащие ветви, которые шевелились от прыжков ничего не подозревающей лягушки. Он почувствовал, что дрожит.

Возвращаясь в Деревню по темной тропинке, Мэтти слышал какой-то шум за Рыночной площадью. Сначала ему показалось, что там поют. В Деревне часто пели, но обычно это про-

исходило в помещении и не по вечерам. Озадаченный, он остановился и прислушался. Нет, это было не пение, а ритмичный и полный горя звук, который здесь называли голошением, звук утраты. Он забыл о своих заботах и в сумерках стал пробираться домой, где его ждал слепой, который все ему объяснит.

2

– Ты слышал, что случилось с Собирателем прошлой ночью? Он не успел вернуться вовремя.

Рамон и Мэтти, оба с удочками, шли на рыбалку, и Рамона распирало от этих новостей.

Мэтти вздрогнул. Значит, Собирателя забрал Лес. Это был веселый человек, который любил детей и животных, все время улыбался и громогласно шутил.

Рамон говорил важным тоном: ведь он сообщал новости. Мэтти очень любил своего друга, но иногда думал, что в конце концов его настоящим именем станет Хвастун.

– Откуда ты знаешь?

– Его нашли вчера вечером на тропинке за школой. Я шел домой и услышал какой-то шум. Я видел, как принесли его тело.

– Я тоже слышал шум. Мы с Видящим так и подумали, что это кого-то забрали.

Накануне, когда Мэтти вернулся домой, слепой расстилал постель, внимательно прислушиваясь к стенаниям, – было слышно, что много людей оплакивают кого-то.

– Кого-то потеряли, – сказал озабоченно слепой, который уже сидел на кровати, одетый в ночную рубашку, и расшнуровывал ботинки.

– Сообщить об этом Вождю?

– Он уже сам услышал. Это ведь голошение.

– Может, и нам пойти? – спросил его Мэтти.

С одной стороны, ему хотелось туда, ведь он никогда не был на голошении. С другой – он испытал облегчение, когда слепой покачал головой.

– Там достаточно людей. Я слышу по меньшей мере двенадцать голосов.

Как всегда, Мэтти был поражен способностями слепого. Сам-то он слышал лишь воющий хор.

– Двенадцать? – спросил он, а затем поддразнил: – Ты уверен, что их там не одиннадцать и не тринадцать?

– Я слышу по меньшей мере семь женских голосов разного тембра, – ответил мужчина, не замечая шутки. – И кажется, пять мужских, хотя один довольно юный, возможно твоего возраста. Голос пока не очень низкий, потом он станет ниже. Может, это твой друг. Как его там зовут?

– Рамон?

– Да, кажется, я слышу голос Рамона. Такой хриплый.

– У него кашель. Он лечится травами.

Вспомнив теперь об этом разговоре, Мэтти спросил:

– А ты тоже голосил? Кажется, мы слышали твой голос.

– Да, там хватало людей, но я был рядом, и мне разрешили голосить с ними. Но у меня кашель, так что я был не в голосе. Я пошел потому, что хотел увидеть тело. Я никогда раньше не видел.

– Да видел, конечно! Мы же вместе смотрели, как хоронили Хранителя Запасов. А еще ты видел ту девочку, которая упала в реку, и ее достали, когда она утонула. Я помню, ты тоже был там.

– Я говорю про опутанных, – пояснил Рамон. – Мертвых-то я, конечно, видал. Но опутанного – первый раз.

Мэтти тоже никогда не видел опутанных, только слышал про них. Такое случалось очень редко, и он уже начал думать, что это миф, что-то из прошлого.

– И как? Говорят, что-то жуткое.

Рамон кивнул:

– Точно. Как будто вьюны сначала схватили его за горло и сильно дернули. Бедный Собиратель! Он схватил их, хотел освободиться, но они обвили и его руки тоже. Он был весь опутан. А выражение на лице – ужас! Глаза открыты, а эти веточки заползли под веки. И во рту тоже они. Даже вокруг языка, я сам видел.

Мэтти поежился.

– Он был такой хороший, – проговорил он. – Он всегда бросал нам ягоды, когда возвращался со сбора. Я раскрывал рот, а он пытался попасть. Если я ловил, он радовался и давал мне еще.

– И мне тоже, – грустно сказал Рамон. – А у его жены недавно родился ребенок. Кто-то сказал, что поэтому он и пошел. Он хотел рассказать своей семье о ребенке.

– А что, он разве не знал, что может произойти? Разве он не получал Предупреждений?

Рамон вдруг закашлялся. Согнувшись пополам, он тяжело дышал. Затем выпрямился и пожал плечами:

– Жена говорит, что нет. Когда родился первый ребенок, он тоже ходил, и ничего не было. Никаких Предупреждений.

Мэтти задумался. Наверное, Собиратель просто не заметил Предупреждения. Первые Предупреждения обычно незаметные. Жаль было этого доброго, счастливого человека, у которого остались двое детей. Мэтти знал: Лес всегда дает Предупреждения. Он столько раз в него входил и всякий раз был осторожен. Если бы он получил хотя бы одно Предупреждение, пусть даже самое незначительное, больше в Лес не пошел бы. Слепой возвращался в Лес только однажды, чтобы попасть в свое родное селение, где потребовалась его мудрость. Он благополучно вернулся, хотя на обратном пути получил небольшое Предупреждение: его неожиданно и больно уколол вроде бы безобидный отросток. Конечно, он его не видел, хотя потом говорил, что почувствовал, как тот выдвинулся на него. Слепой это понял благодаря своему знанию, за которое его называли Видящим. Но поводырем с ним был Мэтти, тогда совсем еще мальчик; и Мэтти точно видел, как этот отросток появился, вырос, заострился, нацелился и воткнулся. Никаких сомнений: это было Предупреждение. Слепому больше нельзя возвращаться в Лес. Время, когда он мог туда пойти, закончилось.

А вот Мэтти Предупреждений никогда не получал. Он вновь и вновь входил в Лес, бродил по его тропинкам, разговаривал с его обитателями. Он понимал, что Лес почему-то выделил его. С первого раза, когда он совсем маленьким ушел из дома, где с ним жестоко обращались, и стал ходить по Лесу, прошло много лет – шесть, если быть точным.

– Я туда никогда не пойду, – твердо сказал Рамон. – Теперь-то уж точно, когда я увидел, что он сделал с Собирателем.

– Ну, тебе и не надо туда идти, – заметил Мэтти. – Ты родился в Деревне. Это случается только с теми, кто пытается вернуться туда, откуда они ушли.

– То есть с такими, как ты?

– С такими, как я, только я осторожен.

– Не буду даже и пробовать. Может, здесь порыбачим? – спросил Рамон, чтобы сменить тему. – Я дальше не пойду. Что-то я стал уставать в последнее время.

Они неторопливо подошли к реке, обогнув кукурузное поле, и вышли на заросший травой берег, где часто рыбачили вместе.

– В прошлый раз мы тут много поймали. Мама сделала рыбу на обед, но ее было так много, что я доедал ее, когда играл в «Игровую машину» после еды.

Опять «Игровая машина»! Рамон так часто о ней говорит. А может, ему больше подойдет имя Выпендрежник, подумал Мэтти. Или Бахвал. Ему уже надоело слушать про «Игровую машину». Впрочем, он немного завидовал.

– Давай тут, – сказал Мэтти.

Он сполз по скользкому берегу к тому месту, где из воды выступал валун, достаточно большой, чтобы стоять на нем. Оба мальчика взобрались на огромный камень и устроились на его вершине, готовя снасти, чтобы забросить их и поймать лосося.

За их спинами продолжалась тихая и мирная повседневная жизнь Деревни. Этим утром похоронили Собирателя. На пороге своего дома его вдова укачивала младенца, а ребенок постарше играл у ее ног. Ее утешали женщины, которые с вязанием и вышивкой сидели рядом и говорили только о хорошем.

В школе учитель по имени Ментор мягко поучал непослушного мальчика восьми лет по имени Гэйб, который слишком много играл и слишком мало учился, и поэтому ему требовалась помощь. Дочь Ментора Джин продавала цветы и свежее испеченный хлеб за своим прилавком на рынке, одновременно заигрывая с проходившими мимо неловкими серьезными мальчиками и смеясь над ними.

Слепой шел по деревенским проулкам, прислушиваясь к местным жителям, оценивая состояние каждого из встреченных. Каждый столб изгороди, каждый перекресток, каждый голос, каждый запах и каждая тень были ему знакомы. Если что-то было не так, он старался это исправить.

Из окна своего дома высокий молодой человек, которого все звали Вождь, смотрел на мирную и веселую жизнь Деревни, на любимый им народ, который избрал его своим правителем и защитником. Он пришел сюда мальчиком, с огромным трудом найдя дорогу. В Музее, в стеклянной витрине, хранились остатки сломанных санок. На табличке рядом было написано, что именно с ними Вождь пришел в Деревню. В Музее хранилось много таких реликвий, потому что у всех, кто не родился в Деревне, была своя история о том, как они оказались здесь. Была здесь рассказана и история Видящего: о том, как его, полумертвого, вынесли с того места, где враги оставили его с вырванными глазами, лишив на родине всякого будущего.

В витринах Музея были выставлены сапоги и посохи, велосипеды и кресло-качалка. Но именно эти выкрашенные красным санки почему-то стали символом отваги и надежды. Вождь был молод, он воплощал в себе эти качества. Он никогда не хотел вернуться назад. Теперь это был его дом, его народ. Как всегда по вечерам, он стоял у окна и смотрел. Его глаза были пронзительно-голубого цвета.

Он с благодарностью смотрел на идущего по проулкам слепого человека.

Он мог заглянуть за порог дома, где молодая женщина укачивала ребенка и оплакивала своего мужа. «Плачь тише», – думал он.

Он мог посмотреть за кукурузное поле, где два мальчика, Мэтти и Рамон, подергивают леску в речной воде. «Хорошей рыбалки», – думал он.

Он мог заглянуть за Рыночную площадь, на кладбище, где было похоронено изувеченное тело Собирателя. «Покойся с миром», – думал он.

Наконец он взглянул на окраину Деревни, туда, где тропа входила в Лес и терялась в его траурной тени. Вождь что-то видел сквозь эту тень, но пока не мог понять что. Все было размыто, но ясно было одно: в Лесу есть что-то, и это что-то бредило разум Вождя, беспокоило его. Он не мог сказать, хорошо это или плохо. Пока не мог.

В глубине густого подлеска, на опушке, на границе поля зрения озадаченного Вождя, маленькая зеленая лягушка проворным липким языком поймала и съела какое-то насекомое. Распластавшись по земле, она вращала выпуклыми глазами, выискивая новую добычу. Ничего не найдя, она попрыгала дальше. Одна задняя лапка у нее была странно напряженной, но лягушка этого почти не замечала.

3

– Вот бы у нас была «Игровая машина», – проговорил Мэтти с деланой небрежностью. – Нам бы тогда никогда не было скучно по вечерам.

– А разве нам с тобой по вечерам скучно, Мэтти? Мне казалось, тебе нравится читать вместе.

Видящий усмехнулся и поправился:

– Прости, я хотел сказать, тебе нравится читать мне, а мне – слушать тебя. Это мое любимое время суток.

Мэтти пожал плечами:

– Нет, ну мне нравится читать тебе, Видящий. Но это не так захватывает.

– Что ж, может, стоит взять другую книгу? Последняя – как она называлась, Мэтти? – как-то не очень быстро у нас пошла. «Моби Дик», вот как она называлась.

– Она была ничего, – согласился Мэтти. – Но слишком уж длинная.

– Ну возьми в библиотеке что-нибудь повеселее.

– А я рассказывал тебе, как работает «Игровая машина»? Вот где веселье!

Слепой усмехнулся. Он уже не раз все это слышал.

– Сбегай-ка в огород, принеси кочан салата, а я почищу рыбу. Пока она будет готовиться, сможешь сделать салат.

– А еще, – громко продолжил Мэтти на пороге, – это было бы хорошее завершение ужина. Сладость. Что-то вроде десерта. Я говорил, как «Игровая машина» выдает победителю леденец?

– Посмотри заодно, не созрел ли помидор. Только выбери сладкий, – попросил Видящий, посмеиваясь.

– Бывают мятные, – продолжал Мэтти, – или кислые, или мармелад.

В огороде он вырвал с корнем кочан салата. Подумав, снял с плети росший по соседству огурец и нарвал листьев базилика. Вернувшись на кухню, положил овощи в раковину и стал мыть, не особо стараясь.

– Кислые бывают разного цвета, у каждого аромата свой цвет, – объявил он. – Но кажется, тебя это вряд ли заинтересует.

Вздыхнув, Мэтти огляделся. Хотя слепой не видел его жеста, он все равно показал рукой в сторону стены, украшенной цветным гобеленом. Это был подарок дочери слепого. Мэтти часто останавливался перед ним и разглядывал искусную вышивку, изображавшую густой лес между двумя деревьями. Это была география его жизни и жизни слепого, потому что оба они с великими трудностями перебрались из одной деревни в другую.

– «Игровую машину» мы поставим здесь, – решил Мэтти. – Будет очень удобно. Исключительно удобно, – добавил он, зная, что слепому нравилось, когда он расширял свой словарный запас.

Видящий подошел к раковине, отложил овощи в сторону и стал мыть стейки из семги.

– И тогда мы прекратим – или даже выменяем на что-нибудь – чтение и музыку, а взамен получим исключительное веселье дергать ручку и смотреть, как механизм выплевывает кислые леденцы? – спросил он.

Если так смотреть на машину, то она выглядит не очень привлекательной, подумал Мэтти.

– Ну, – сказал он, – это здорово.

– Здорово, – повторил слепой. – Плита готова? А сковорода?

Мэтти посмотрел на плиту.

– Минуту. – Он начал ворошить дрова, чтобы поднялось пламя. Затем поставил сковороду на плиту. – Я пожарю рыбу, а ты займись салатом. – И добавил с улыбкой: – Я принес немного базилика. Ведь ты такой салатный мастер. Он здесь, рядом с салатом.

Мэтти стал смотреть, как ловкие руки слепого нашли базилик и стали рвать листья и бросать их в миску.

Затем он взял рыбу и, помешав масло, положил ее на сковороду. Кухню мгновенно наполнил запах жареной семги.

За окном смеркалось. Мэтти подкрутил фитилек лампы и зажег ее.

– Знаешь, – продолжил он, – когда выигрываешь сладость, раздастся звонок и загорается цветной огонек. Конечно, тебе-то это не важно, но некоторым из нас очень бы понравилось...

– Мэтти, Мэтти, Мэтти, – вздохнул слепой, – смотри лучше за рыбой. Она очень быстро жарится. И когда она будет готова, никакого звонка не будет. Кроме того, не забывай, что эту машину они на что-то обменяли. Цена могла быть высокой.

– А иногда выпадает лакричный леденец... – предпринял Мэтти последнюю попытку.

– А ты знаешь, на что ее обменяли? Рамон не говорил тебе?

– Нет, никто никогда об этом не говорит.

– Может, он и сам не знает. Может, родители ему не сказали. Наверное, так и надо.

Мэтти снял сковороду, наклонил ее, и куски рыбы один за другим соскользнули на две тарелки. Он поставил тарелки на стол и принес миску с салатом.

– Все готово, – сказал он.

Слепой подошел к хлебнице и взял из нее два толстых ломтя, от которых исходил запах свежее испеченного хлеба.

– Я купил их на рынке утром у дочери Ментора, – сказал он. – Она будет кому-то хорошей женой. Скажи, она такая же красивая, как мне кажется по ее голосу?

Но Мэтти было не сбить напоминанием о дочери Ментора.

– Скажи, когда следующее Торжище? – спросил он, когда они сели за стол.

– Ты еще слишком маленький.

– Я слышал, что оно скоро.

– Не обращай внимания. Ты все равно еще слишком маленький.

– Но я вырасту. И я хочу посмотреть.

Слепой покачал головой:

– Это будет тяжелое зрелище. Ешь рыбу, Мэтти, пока не остыла.

Мэтти поковырял семгу вилкой. Он понял, что разговор о торге закончен. Слепой ни разу не торговал и гордился этим. Но Мэтти считал, что когда-нибудь обязательно попробует. Возможно, не ради «Игровой машины». Он еще много чего хотел. Он просто должен был узнать, как устроена торговля.

Он решил, что все выяснит. Но пока его смущало другое. Мэтти так беспокоило новое умение, что он даже боялся говорить о нем со слепым.

В Деревне секретов не было. Это правило предложил Вождь, и все за него проголосовали. Все, кто пришел в Деревню, а не родился здесь, пришли из мест, где были секреты. Иногда – хотя и нечасто, потому что от этого всегда становилось грустно, – люди рассказывали о своей прежней жизни, о коварных правителях, жестоких наказаниях, безнадежной бедности и фальшивой роскоши.

Таких мест было очень много. Иногда Мэтти не мог поверить своим ушам, слушая эти истории и вспоминая свое детство. Поначалу, оказавшись в Деревне, он думал, что его суровое детство – безотцовщина и лачуга вместо дома, мрачная отчаявшаяся мать, которая била его и брата до крови, – было единственным в своем роде. Но теперь он знал, что по всему известному

ему миру было разбросано множество селений, в которых страдают люди. Не всегда от побоев и голода, как он. Часто – от невежества. От того, что знания были доступны не всем.

Он верил Вождю, который требовал, чтобы все жители Деревни, даже дети, читали, учились, помогали и участвовали в жизни друг друга. Поэтому Мэтти учился и очень старался.

Но иногда к нему возвращались привычки, полученные в прошлом, когда ему, чтобы выжить, приходилось быть хитрым и вероломным.

– Ничего не могу с этим поделать, – мрачно сказал он слепому однажды, когда они только начали жить вместе и Мэтти поймали на каком-то мелком преступлении. – Жизнь наблатыкала.

– Не наблатыкала, а научила.

– Научила, – повторил Мэтти.

– А теперь ты заново учишься. Учишься честности. Мне неприятно наказывать тебя, Мэтти, но Деревня – это место, где живут честные и достойные люди, а я хочу, чтобы ты был одним из нас.

Мэтти опустил глаза.

– Так, значит, ты будешь меня бить?

– Нет, в наказание у тебя не будет уроков. Вместо школы будешь сегодня помогать мне в огороде.

Ну и наказание, подумал Мэтти. Кто вообще хочет ходить в школу? Уж точно не он!

Но потом, слыша, как другие дети в школе поют и читают стихи наизусть, он почувствовал себя одиноким и подавленным. Постепенно Мэтти изменился и вскоре стал одним из счастливых юных жителей Деревни и прилежным учеником. Он был уже почти взрослым, скоро ему предстояло окончить школу, к старым привычкам он возвращался только изредка и всякий раз ловил себя на этом.

Мэтти очень беспокоило то, что у него появился секрет.

4

Вождь призвал Мэтти, чтобы тот передал послание.

Мэтти нравилось бывать в доме Вождя из-за лестницы. В других домах (но не у слепого с Мэтти) тоже были лестницы, но лестница у Вождя была винтовая, и это завораживало Мэтти – он очень полюбил ходить по ней вверх и вниз. А еще ему нравилось бывать у Вождя из-за книг. У других тоже были книги, у самого Мэтти было несколько учебников, а еще он постоянно брал книги в библиотеке, чтобы по вечерам читать их слепому, и это занятие нравилось обоим.

Но в доме Вождя, который жил один, было такое скопление книг, которого Мэтти никогда не видел. Весь первый этаж, за исключением кухни, был заставлен полками, а полки были наполнены всевозможными книгами. Вождь разрешал Мэтти их брать и разглядывать. Были тут, конечно, повести, как те, что он находил в библиотеке. Были книги по истории, подобные тем, которые он изучал в школе, причем в лучших из них было полно карт, рассказывающих, как мир изменился за века. В некоторых были блестящие страницы с рисунками, изображающими никогда не виденные Мэтти пейзажи, странно одетых людей и сражения, было много изображений спокойной женщины, держащей на руках младенца. Были и книги, написанные на других языках и в далекие времена.

Вождь криво усмехнулся, когда Мэтти показал ему страницу, написанную на непонятном языке.

– Это называется греческий, – пояснил он. – Я могу прочесть на нем несколько слов. Но там, где я жил в детстве, нам не разрешалось обучаться таким вещам. Поэтому в свободное время ко мне приходит Ментор и учит языкам. Но, – вздохнул он, – у меня так мало свободного времени. Может, когда состарюсь, займусь учебой. Я бы очень хотел.

Мэтти поставил книгу на место и осторожно провел рукой по кожаным корешкам соседних книг.

– Если вам не разрешалось учиться, почему разрешили взять книги с собой? – спросил он.

Вождь засмеялся.

– Ты видел маленькие санки? – напомнил он.

– В Музее?

– Да, это с ними я пришел сюда. С ними все так носятся, что мне прямо неловко. Но тем не менее я пришел сюда с этими санками. Отчаявшийся, полумертвый мальчик. Какие там книги! Книги привезли позже. Никогда в жизни я не удивлялся так, как в тот день, когда приехали книги.

Мэтти оглянулся на тысячи книг. Несмотря на то что Мэтти был сильным, он сам за один раз смог бы взять не больше десятка, ну, дюжины книг.

– А как их вам привезли?

– По реке на барже. Неожиданно появилась баржа. На борту – огромные деревянные ящики, и каждый наполнен книгами. До этого я все время боялся. Прошел год, потом два, но я по-прежнему боялся, что они все равно придут за мной, схватят и казнят, потому что еще никому до меня не удавалось уйти из того селения. И только когда я увидел книги, я понял, что все изменилось, что я свободен и что там, откуда я пришел, начались перемены к лучшему. Вероятно, книги стали чем-то вроде прощения.

– То есть вы могли вернуться, – попыток Мэтти, – но было уже поздно? Лес сделал вам Предупреждение?

– Нет. Но зачем бы мне было возвращаться? Я, как и все, нашел здесь свой дом. Вот почему у нас тут есть Музей, Мэтти, он напоминает нам о том, как мы все сюда пришли и зачем:

чтобы начать жизнь с чистого листа, создать новое место, опираясь на то, что мы вынесли и узнали в старом.

Сегодня Мэтти, как обычно в доме Вождя, с восхищением смотрел на книги, но решил не тратить время и не стал брать их с полки и открывать. Не стал он и любоваться лестницей и ее замысловатыми ступенями из резного отполированного дерева, которые поднимались по кругу все выше и вели на второй этаж. Когда Вождь крикнул: «Я наверху, Мэтти!» – он взбежал наверх и очутился в просторной комнате, где жил и работал Вождь.

Вождь был за столом. Он поднял взгляд от разложенных перед ним бумаг и улыбнулся Мэтти:

– Как рыбалка?

Мэтти пожал плечами и улыбнулся в ответ:

– Неплохо. Вчера поймал четыре.

Вождь отложил карандаш и откинулся на спинку стула.

– Скажи-ка, Мэтти, ты со своим другом много ведь рыбачишь? И давно этим занимаешься – с тех пор как пришел в Деревню маленьким мальчиком, так?

– Как долго, я точно не помню. Когда я пришел, я был примерно такого роста. – Мэтти приложил ладонь ко второй пуговице своей рубашки.

– Шесть лет, – сказал Вождь, – ты пришел сюда шесть лет назад. Значит, ты рыбачил все это время.

Мэтти кивнул. Он насторожился и напрягся. Еще слишком рано присваивать ему настоящее имя, думал он. Только бы его не назвали Рыбаком! Неужели Вождь позвал его за этим?

Вождь посмотрел на него и рассмеялся:

– Успокойся, Мэтти! Когда ты так смотришь, я могу почти читать твои мысли! Не волнуйся, это просто вопрос.

– Вопрос про рыбалку. Рыбалка – это то, чем я занимаюсь ради еды или развлечения. Я не хочу, чтобы она стала чем-то большим. – Мэтти нравилось в Вожде то, что ему можно было сказать что угодно, рассказать о том, что чувствуешь.

– Я понимаю. Не беспокойся. Я спрашивал потому, что мне надо оценить количество продовольствия. Некоторые утверждают, что рыбы стало меньше, чем раньше. Вот смотри, что я здесь пишу. – Он передал Мэтти лист бумаги со столбцами цифр под заголовками «Семга» и «Форель».

Мэтти посмотрел на цифры и нахмурился.

– Похоже на правду, – проговорил он. – Я помню, что поначалу таскал из реки рыбу за рыбой. Но знаете что, Вождь...

– Что?

Вождь забрал у Мэтти лист и положил его в стопку.

– Я тогда был маленький. И наверное, вы не помните, ведь вы старше меня...

Вождь улыбнулся:

– Я еще не старый, Мэтти. Я помню, как сам был мальчиком.

Мэтти показалось, что он заметил проблеск грусти в глазах Вождя, несмотря на то что тот тепло ему улыбался. У очень многих жителей Деревни, включая Мэтти, были грустные воспоминания о детстве.

– Я хотел сказать, что помню всю рыбу, помню это чувство, что она никогда не закончится. Мне казалось, что я буду забрасывать леску снова, и снова, и снова, и каждый раз будет рыба. Теперь такого нет. Но, Вождь...

Вождь смотрел на него, дожидаясь продолжения.

– Когда ты маленький, всё большое. Предметы кажутся больше, расстояния – длиннее. Когда я первый раз пришел сюда через Лес, путь казался бесконечным.

– Но дорога оттуда действительно занимает несколько дней.

– Да, я знаю. Это по-прежнему так. Но теперь она не кажется такой длинной. Потому что я старше, я больше, я столько раз ходил по Лесу туда-сюда, я знаю дорогу, я не боюсь. Так что путь кажется короче.

Вождь усмехнулся:

– А рыба?

– Что ж, – признал Мэтти, – ее, кажется, не так много, как раньше. Но, может, мне казалось, что рыба не кончится никогда, оттого что я был маленький.

Вождь размышлял, постукивая ручкой по столу.

– Возможно, – сказал он.

Он встал. Взял стопку бумаг с края стола.

– Послания?

– Послания. Я созываю встречу.

– По поводу рыбы?

– Нет, если бы. Про рыбу все понятно.

Мэтти взял стопку посланий, которые ему предстояло разнести. Он почувствовал, что не может просто так повернуться к лестнице и уйти, а должен кое-что сказать.

– С рыбой никогда не бывает все понятно. Нужна правильная прикормка, надо выбрать хорошее место, к тому же надо вовремя вытянуть леску, потому что, если этого не сделать, рыба начнет извиваться и соскакивать с крючка, а не всем удастся с этим справиться, и...

Хохот Вождя был слышен, даже когда Мэтти уже вышел на улицу.

Большую часть дня Мэтти занимался тем, что разносил послания. Работа была нетрудной. Он-то как раз любил задания посложнее, когда ему выдавали в дорогу еду и котомку и отправляли в далекое путешествие через Лес. В своем бывшем доме он не был уже пару лет, а ему особенно нравилось, когда его отправляли именно туда, потому что он мог повидать друзей детства, немного снисходительно им улыбнуться, а также посмотреть свысока на тех, кто когда-то жестоко с ним обращался. Он знал, что мать умерла, а брат остался на прежнем месте и смотрел на Мэтти с еще большим уважением, чем раньше, но они так никогда и не стали близки. Селение, в котором он родился, сильно изменилось и казалось чужим, хотя жители его стали менее грубыми.

Сегодня же он просто обошел Деревню, раздавая повестки о предстоящем на следующей неделе собрании. Прочтя, что было написано в повестке, Мэтти понял, почему Вождь расспрашивал его о рыбе и почему он так обеспокоен.

Оказывается, многие жители подписали прошение с требованием закрыть Деревню для чужаков. И теперь это предстояло обсудить и поставить на голосование.

Это было уже не первое такое прошение.

– Всего год назад уже проголосовали против, – напомнил слепой, когда Мэтти прочитал ему повестку. – Похоже, сторонников этой идеи стало больше.

– Но ведь рыбы по-прежнему полно. Да и урожай хороший, – заметил Мэтти.

Слепой скомкал повестку и бросил ее в огонь.

– Дело не в рыбе и не в урожае, – проговорил он. – Конечно, и об этом они станут говорить. В прошлый раз тоже говорили о нехватке еды. Но дело в...

– ...нехватке жилья?

– Не только. Не могу подобрать слово. Себялюбие, наверное. Себялюбие захватывает людей.

Мэтти был поражен. Ведь вся Деревня построена на противоположности этому – на самоотречении. Ему объясняли это в школе, об этом говорилось в истории. И все это знали.

– Но в повестке – я бы мог прочитать тебе еще раз, если бы ты не сжег ее, – говорится, что тех, кто хочет закрыть границы, возглавляет Ментор! Учитель!

Слепой вздохнул.

– Помешай суп, будь так любезен, Мэтти.

Мэтти послушно помешал в горшке деревянной ложкой, разглядывая, как фасоль и кусочки томатов кружатся в густой кипящей жидкости. Он еще раз подумал об учителе и добавил:

– Ведь он-то не себялюбив!

– Да, я знаю. Вот это-то и странно.

– Он рад всем в школе, даже тем, кто ничего не знает или не умеет правильно говорить.

– И тебе был рад, когда ты только пришел, – сказал слепой с улыбкой. – Думаю, это было непросто, но он выучил тебя.

– Сначала ему пришлось меня приручить, – признал Мэтти и тоже улыбнулся. – Ну и дикий я был, да?

Видящий кивнул:

– Дикий. Но Ментору нравится учить тех, кто в этом нуждается.

– Но зачем ему закрывать границы?

– Мэтти...

– Что?

– А ты не знаешь, Ментор торговал?

Мэтти задумался.

– Сейчас каникулы, так что я вижу его нечасто. Но иногда я заглядываю к нему домой... – Он не стал упоминать о Джин, дочери учителя-вдовца. – Ничего необычного в его доме я не заметил. Никаких «Игровых машин», – добавил он со смешком.

Но слепой не рассмеялся в ответ. Он сидел и думал. Затем озабоченно проговорил:

– Дело не только в «Игровой машине».

5

– Дочь учителя сказала, что у ее собаки три щенка и я могу себе взять одного, когда он подрастет, если захочу.

– Разве она не обещала поцеловать тебя? А теперь щенка? На твоём месте я бы сначала добился поцелуя, Мэтти, – улыбнулся слепой, высвобождая из земли свеклу и кладя ее в корзину. Они вместе были в огороде.

– Я скучаю по своей собаке. Она была умная. – Мэтти посмотрел в сторону изгороди, возле которой два года назад они похоронили Прута.

– Ты прав, Мэтти, твоя собачка была хорошим товарищем долгие годы. Было бы неплохо завести щенка, – мягко проговорил слепой.

– Я бы смог выучить его, чтобы он стал твоим поводырем.

– Мне не нужен поводырь. А вот смог бы ты выучить его готовить?

– Только не свеклу, – сказал Мэтти, скорчив гримасу и бросая очередную свеклу в корзину.

Но когда он на следующий день пришел в дом к учителю, его встретила безутешная Джин.

– Ночью двое умерли. Остался один щенок, и он болеет, и мать тоже.

– А чем ты их лечила?

Джин огорченно вздохнула:

– Тем же, чем я лечила бы себя или папу. Отваром липовой коры. Но щенок еще слишком маленький, он не умеет лакать, а его мама слишком больна. Она попила немного, а потом просто опустила голову.

– Покажешь их мне?

Джин впустила его в маленький дом. Хотя Мэтти думал в первую очередь о собаках, он вспомнил вопрос, который задал ему слепой, и стал озираться. Он заметил аккуратно расставленную кражистую мебель и шкафы с книгами Ментора. В кухне Джин приготовила противни и миски для замешивания теста, чтобы испечь очередную партию вкуснейшего хлеба.

Он не заметил ничего, что говорило бы о том, что здесь ходят на Торжище. Никаких глушечек вроде «Игровой машины» или излишеств в виде мебели с мягкой обивкой и бахромой, какую выторговала себе супружеская пара, живущая дальше по улице.

Конечно, были сделки и другого рода – Мэтти знал про них, но до конца не понимал, как это. Про них ходили слухи. Выторговать себе можно было что-то невидимое. И такие сделки были самыми опасными.

– Вот они. – Джин открыла дверь в чулан, пристроенный к дому со стороны кухни. Мэтти вошел и опустился на колени перед оценившей собакой, лежавшей на сложенном в несколько раз одеяле. Крошечный щенок, почти без движения, если не считать его тяжелого дыхания, лежал у ее живота, как это делают все щенки. Здоровый щенок шевелился бы и сосал. А этому еще надо было давить матери на живот лапой, чтобы пошло молоко.

Мэтти чувствовал собак. Он любил их. Он едва прикоснулся к щенку пальцем, как сразу отдернул руку. Это было неожиданно: он ощутил боль.

Как будто молния ударила, подумал он.

Он помнил: его с самого детства учили, что во время грозы надо укрыться в доме. Он видел обгоревшие и расщепленные надвое ударом молнии деревья и знал, что так может произойти и с человеком: вспышка и огненная мощь, которая проходит через тебя, стремясь попасть в землю.

Ему доводилось видеть из окна, как мощные огненные разряды разрывают небо пополам, он помнил серный запах, который они иногда оставляли после себя.

В Деревне был один крестьянин, который однажды после полудня, увидев сгущающиеся над головой тучи, решил, что гроза пройдет мимо, и остался у плуга. Но молния нашла его, и, хотя он выжил, он полностью потерял память – кроме воспоминания о дикой мощи, которая вошла в него. Жители Деревни ухаживали за ним, а он брал какую-то поденную работу, но все его силы забрала таинственная энергия, живущая в молнии.

Что-то подобное Мэтти и почувствовал: пульсирующую мощь, как будто в нем самом жила молния, – в ясный солнечный день, когда ничто не предвещало грозы.

Впоследствии он пытался заставить себя выкинуть из головы все воспоминания об этом дне, потому что все это его пугало и потому что таким образом у него появлялась своя тайна. Но тогда, отдернув руку от больного щенка, Мэтти понял: пора вновь испытать себя.

– Где твой отец? – спросил он у Джин. Он не хотел, чтобы кто-нибудь это видел.

– Он пошел на встречу. Ну, на эту, о прощении.

Мэтти кивнул. Хорошо. Значит, школьного учителя не будет.

– Вряд ли его волнует эта встреча. Его больше интересует вдова Хранителя Запасов. Он ухаживает за ней, – сказала Джин, тепло улыбаясь. – Представляешь? В его возрасте – и ухаживает.

Надо, чтобы девочка ушла, подумал Мэтти.

– Сходи к травнику. Принеси тысячелистник.

– Тысячелистник растет у меня в огороде! Прямо у двери! – ответила Джин.

На самом деле ему не особенно был нужен тысячелистник. Ему нужно было, чтобы она ушла. Мэтти стал лихорадочно думать.

– Мята? Мелисса? Кошачья мята? Это все тоже есть?

Она покачала головой:

– Кошачьей мяты нет. Если бы в огород повадились кошки, собаки бы такое устроили...

Правда, бедненькая? – добавила она нежным шепотом, обращаясь к оценившейся собаке. Она погладила ее по спине, но та не подняла головы. Глаза собаки потускнели.

– Иди, – сказал Мэтти настойчиво, – принеси все это.

– Ты уверен, что это поможет? – с сомнением поинтересовалась Джин. Она уже перестала гладить собаку и встала, но пока не трогалась с места.

– Делай что говорят! – распорядился Мэтти.

– Не надо грубить, Мэтти, – сказала она раздраженно. Потом резко повернулась, так что взметнулась ее юбка, и вышла. Он уже почти не слышал, как хлопнула дверь. Напрягшись перед сильнейшим сотрясением, которое, он знал, пройдет через все его тело, Мэтти дотронулся левой рукой до взрослой собаки, а правой – до ее щенка и велел им жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.